

«Афганец»: оставшийся в прошлом

Левсет Дарев

 Москва 2017

16+

Левсет Дарчев

**«Афганец»:
оставшийся в прошлом**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дарчев Л. Н.

«Афганец»: оставшийся в прошлом / Л. Н. Дарчев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Позади Афганистан. Главный герой прошел через кровь и грязь. Все лучшее - любовь, семья - проскочило мимо и осталось в прошлом. В настоящем - одиночество и смирение перед судьбой. Но неожиданно, спустя десяток лет, он обнаруживает, что у него есть дочь: забрезжил луч надежды. Сможет ли он дотронуться до этого света и обрести счастье?

Содержание

Часть 1	6
Сон и зубная боль	6
Оставшийся в прошлом	12
Первое знакомство	14
Брежнев: последняя капля	17
Заседание Политбюо	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Левсет Дарчев
«Афганец»: оставшийся в прошлом

© Алимуратов А., 2017

Часть 1

Сон и зубная боль

У Семена, мужчины пятидесяти пяти лет, начальника службы безопасности частной фирмы, была годами отработанная привычка: он, придя на работу, сразу же готовил кофе, подходил к окну, раздвигал шторы и начинал смаковать его маленькими глотками. Недели две назад в этой церемонии произошли изменения: у него появился компаньон, с которым он не был знаком, но вызывал у него неподдельный интерес: в здании напротив в таком же офисе, как и у него, в это же время появлялась симпатичная девушка с чашкой кофе, отдувая с нее горячий пар. Она вежливо улыбалась, а перед тем как отойти от окна и задвинуть шторы, она махала рукой. Два дня как ее нет, и Семен испытывал легкую досаду: она хоть как-то скрашивала его одиночество. Это незначительное событие, конечно, не могло тронуть его душу так же, как легкий ветерок корабль в океане. Энергию для существования он черпал в прошлом: там у него осталось все лучшее, что может быть у человека, – любовь, мечты, надежды.

Несколько дней назад произошло событие, которое вовсе выбило его из колеи: ему позвонил друг, однокурсник, однополчанин, ныне действующий генерал России и сообщил ссылку в интернете на видеофильм, который потряс его.

Семен отошел от окна, приблизился к столу и рухнул в кресло за рабочим столом. Он включил видеофильм. Хотя смотрел его десяток раз, он не мог насытиться: фильм встряхнул его внутренний мир и нарушил его покой. Он думал, что все забыто и забито в угол под замок, боль о прожитом оказалась сильнее боли зубной, которая ни с того ни с сего появилась почти одновременно, и он с этим ничего не мог делать: врач-дантист помучил его неделю и отпустил, разводя руками и вытянув лицо в беспомощности:

– Не знаю, может, у вас нервы...

Он нажал на стрелку, чтобы запустить файл. Корреспондент с жидкой бородой, крупными чертами лица, покатым лбом и выдающимися бровями – настырный, бесстрашный – подал руку, поздоровался с афганским генералом и представился:

– Я – корреспондент российского телевидения. Зовут меня Петр.

– Очень приятно, – произнес афганский офицер с волевым подбородком, с крупными костями, что свидетельствовало о природной силе и расположенности к агрессии. – Меня зовут Халк. Как доехали?

– Нормально, через Эмираты, – журналист снял с плеча фотоаппарат.

– Меня покажут в России, и меня могут увидеть старые знакомые? – с довольным выражением лица с иронией предположил генерал.

– Наверное, – хмыкнув, сказал Петр с улыбкой. – Перейдем к делу. Меня в первую очередь интересует положение дел в вашей стране и мнение людей о событиях в то время, когда здесь были советские солдаты. Это сегодня – актуальная тема в нашем обществе. Идет какая-то переоценка того, что было.

– Хорошо, – сказал Халк, – Как раз-таки по этому поводу я бы хотел изложить вам кое-какую информацию исторического характера. Это может быть очень полезным для такой передачи. Вы согласны?

– Да, конечно, – согласился Петр.

Генерал кашлянул, готовясь к длинной беседе.

– Я инициировал нашу встречу с вами, потому что я, как многие афганцы, понял, что мы ошибались в оценке ввода ваших войск в нашу страну, и мы полны желания вернуться назад к сотрудничеству.

– А что изменилось? – спросил Петр.

– А вы ехали на такси, ничего не заметили? Народ голодный, необразованный, больной, а мировое сообщество молчит.

– А американцы что, не помогают? Ведь выделено, если не ошибаюсь, 40 миллиардов долларов.

Офицер громко рассмеялся. Он, сидя напротив за стеклянным журнальным столиком, в руке с волнением мял сигарету.

– Американцы? Хм. Они никому не помогают, если нет интереса, – он потер пальцы, имитируя деньги. – Они здесь не для того, чтобы помогать, а для того, чтобы создать плацдарм для агрессии против соседних стран.

– Даже так?

– Разве трудно сделать вывод: Ирак. Ливия, Сирия... Особенно обидно за Ливию. Непонятно, от чего защитили американцы народ Ливии: от бесплатной и самой дорогой медицины в мире, от бесплатного образования или пособий по рождению, учебе и старости? На этот вопрос вам никто не ответит. Возвращаясь к теме нашего разговора, скажу: сегодня как нет вашей страны, так и нет того Афганистана, – продолжил Халк уже ровным тоном, – есть разделенная по национальным признакам угнетенная страна – таджики, узбеки, пуштуны. И каждый из них считает себя хозяином. Посеяли преступность и коррупцию: полицейские днем охраняют закон, а ночью становятся бандитами – все хотят кормить свои семьи. А что натовцы? Им начихать на народы – они, загнав сюда 140 тысяч своих солдат, делают свое дело. Мы ошибались, и вы ошиблись. Теперь мы хотим, чтобы вы вернулись и помогли нам еще раз. Неблагодарно, да? Наверное, судьба.

Журналист вопросительно поднял брови.

– Да, да, – произнес Халк. – Вы нас предали. Это сделал Козырев. Сначала мы вас ненавидели за то, что вы вторглись к нам, а затем за то, что бросили нас, – пауза. Генерал договаривает глазами и мимикой: – Брежнев был хороший, дальновидный и хитрый политик, но его предали.

Петр усмехнулся.

– Вы мне не верите? – спросил генерал, мотнув головой. – О, эта Россия, некогда самая могущественная страна в мире, на которую смотрели с завистью. Омерзительная история с ее развалом. Я знаю то, чего не знаете вы: вашу страну развалили изнутри. Кто герой и кто предатель разбирайтесь сами. Лично для меня предатель за идеи – это герой, предатель по недоразумению – это идиот, предатель за деньги-это предатель.

Журналист, внимательно наблюдавший за новым знакомым, отметил, что последние слова он повторяет второй раз – значит, он знает что-то очень важное и нарочно напрашивается на вопросы.

– Да, да, именно так, – подтвердил свои слова Халк. – С тех пор утекло много воды. У вас есть поговорка: «Время – лучший судья». Факты сами говорят за себя. Вашу страну развалили ваши люди. Можно я покурю?

– Это я у вас в гостях.

– Ладно, – выпалил генерал, прикурив сигарету. Он сделал глубокую затяжку и отвел взгляд. Клубок сизого дыма за клубился перед его глазами и облачком поплыл по комнате. Петр задержал дыхание. – Я понимаю: любому это тяжело осознать.

– У вас есть доказательства?

– Давайте все по порядку, – начал афганец как бы издали. – Россия – некогда самая могущественная страна в мире, образец национального подъема. И мне обидно, что моя страна стала одной из причин ее развала. Вы улыбаетесь, но это – чистая правда. Сначала посмотрим, с чего все началось, – он вытрусил пепел в чашечку. – В июле 1973 года Мухаммад Дауд пришел к власти в результате военного переворота. В нем принимало участие группа леворадикальных

офицеров, и Афганистан был провозглашен республикой. Король Закир Шах, находившийся в то время в Италии, отрекся от престола. Официальной идеологией Дауда стали ислам, демократия, святость национальных традиций и обычаев. В экономике он начал национализацию: он симпатизировал России и начал социальные преобразования. Первая делегация, посетившая Дауда, была из России. Москва пошла навстречу, и все закрутилось по лучшему сценарию. США запротестовала и не дремала: запустила дезинформацию по каналам спецслужб, порочащую Дауда, мол, он потянулся к Ирану и США. И вот 27 апреля 1977 года грянул гром: Дауда свергли, и к власти пришли «марксисты» в американской обертке. Афганская революция! Почему я так говорю? Посмотрите. Подумать только: США подготавливает для внедрения в страну двух «марксистов», проучившихся не где-нибудь в Университете дружбы народов в Москве, а в недрах ЦРУ. Это – Тараки и Амин. Перед ними поставили задачу: сделать все, чтобы русские вторглись в Афганистан. Вспомните беседу Тараки с Косыгиным в Москве: он с пеной у рта просит ввода советских войск. Косыгин явно заподозрил неладное и сказал категорично «нет», и он – единственный член правительства, который отказался подписать тот злополучный документ.

– И это все?

– Еще доказательства? – недоуменно спросил Халк. – Посмотрите на факты: Амин поступил в Колумбийский университет в 1957 году. В 1958 году туда же поступают учиться Олег Калугин, который в статье «Как мы захватили Афганистан», опубликованной 11 декабря 2009 года в американском журнале «Иностранная политика», написал о том, что приезжал в Афганистан в августе 1978 года вместе с начальником первого главного управления КГБ Владимиром Крючковым. Обратите внимание: 22 сентября 1978 года, буквально через несколько дней после этого, Мухаммед Тараки объявил всех мусульманских религиозных деятелей врагами государства. Подумать только: он это сделал в исламской стране! И через месяц в октябре 1978 года народ смял красный флаг Тараки и водрузил зеленый флаг ислама – вот так началось восстание народа. А Тараки забегался: в Москве стал просить с пеной у рта о вводе войск. Косыгин ему сказал «нет», а на заседании Политбюро его поддержал Кириленко. Но борьба за втягивание России в военный конфликт продолжалась. Не сумел один, пусть попробует другой. Амин убивает Тараки, и тогда нервы Брежнева не выдержали, и мы получили то, о чем мечтали США – войну в Афганистане. Этого мало?

Петр задумался, откинувшись на спинку кресла, и долго размышлял.

– Мне некоторые факты известны из книги Александра Ляховского – «Трагедия и доблесть Афгана», – сказал Петр, – где он в деталях проанализировал эти события: «Война из нескольких очагов распространилась на весь Афганистан – она неистовствовала на дорогах, в ущельях, в пустынях, в «зеленках», на древних караванных путях, в городах и кишлаках. Она не давала ни минуты передышки и все время держала людей в напряжении...». – А у вас откуда такая информация? – спросил он, снедаемый любопытством.

– Со мной недавно по пьянке общался один высокопоставленный американский друг, – ответил Халк. – И самое главное: он поделился со мной своими переживаниями относительно американской внешней политики. Интересно?

– И что там интересного?

– В мире идет большая игра, мой друг, в которой тяжело разобраться простому смертному, – продолжил Халк. – Все дело в американской стратегии на далекую перспективу. И в этой политике России отведена доминирующая роль.

Петр издал ироничный смешок.

– Что вы говорите! А система ПРО вокруг России ни о чем не говорит? А Донбасс?

– Вы не понимаете одну существенную вещь: американцы боятся только силы, со слабыми они не считаются никогда. Если Россия с ее ресурсами и мозгами объединится с Евро-

пой, то наступит закат американского доминирования. Возникает логичный вопрос: против кого американские ракеты в Европе? Ответ прост: против Европы! Убедительно?

– Логично, но тяжело в это верится.

– Смотрите, – вкрадчиво начал Халк. – Вам трудно представить, что будет с США, если объединятся Европа с Россией. А если к ним примкнет Япония? Поэтому США боится сближения этой линейки и никогда по своей воле не снимет внешнее управление с Германии и Японии, хотя, кто знает: сейчас это американцам становится все больше невыгодным. На Востоке они любой ценой попытаются объединить две Кореи, чтобы прочно сесть там, – черные непроницаемые глаза Халка впились в лицо журналиста, изложив свое понимание вопросов геополитики. – Так что американцы сегодня не знают, что делать с Россией: любить или ненавидеть, но рано или поздно им придется перейти эту грань. А пока ситуация другая как точно подметил ваш президент: «На голову нам сели, ноги свесили, жвачку жуют».

– Это все вам рассказал американский друг?

– Да. – ответил Халк.

– Он не боится разглашать то, о чем нельзя говорить?

– Нет. Он... умер.

Минутное молчание. Петр вскинул голову.

– Неплохая информация для размышления, – сказал Петр. – Давайте вернемся к нашей главной теме. Можете дать сравнительную оценку присутствию в вашей стране Западного альянса и Советского Союза? Ведь, чтобы строить будущее, надо хорошо знать прошлое. Так?

– Конечно, – произнес Халк. Сигаретный дым повалил изо рта и носа. – При шурави, когда Афганистан стал центром внимания мировых стран, мы возгордились и стали воевать против тех, кто здесь строил школы, институты, дома, электростанции. Вы ушли – прошло тридцать лет, но ваши дела здесь продолжают жить: политехнический институт, например, до сих пор готовит классных специалистов, кабульская электростанция, – он поднял взгляд на лампочку под потолком, – до сих пор снабжает Кабул током. И вы знаете, что в народе говорят: коммунисты – молодцы, капиталисты – подлецы, – он улыбнулся, обнажив зубы.

– Между прочим, сейчас у нас тоже капитализм, – подчеркнул журналист. – И наша помощь тоже может оказаться капиталистической.

– Понятно, время не стоит на месте. Но человек должен оставаться человеком всегда, и богатый должен помогать бедным. Это в равной степени относится и к странам. Разве не так?

– Конечно, – журналист отвел взгляд. – К сожалению, я такие вопросы не решаю. Ну вот, еще раз, возвращаясь назад, скажите, пожалуйста, ваше личное мнение о советских солдатах сравнительно с американцами.

– О-о, сравнение не годится, – сказал генерал, – шурави ходили с автоматом на ремне, а натовцы – с ружьем наизготовку. Они сначала кидают ракеты, потом по одному выползают, как... Я понимаю: новые военные технологии – надо беречь солдат. Но если сравнивать в тех условиях, то шурави – это бесстрашие и высокий дух. Когда у них в окружении кончались патроны, он делали так, – он встал и выставил грудь. – Они не боялись смерти. В них было что-то превыше смерти – дух и великодушие. Они строили дома, больницы. Затем война.

– Вы говорите о великодушии шурави. В чем она выражалась?

– У них, э-э... – офицер задумался, сведя брови к переносице. – Ну, возьмем хотя бы проверку людей при спецоперациях. Они в глаза спрашивали, кто вы – друг или враг. Если отвечали, что друг, то отпускали. Наивно, да? У них была мораль, через которую они не могли переступить. Женщин вообще не трогали. Теперь же, – он склонил голову, – натовцы могут убить и ребенка. Получилось: мы убежали от волка, а напоролась на медведя – ваша поговорка. Мы хотим, шурави, чтобы вы вернулись – и точка, – он вопросительно уставился на журналиста. Решительный взгляд черных прищуренных глаз в ожидании ответа.

– Откуда вы знаете нашу историю и столько наших поговорок?

– Я готовился к встрече с вами, всю ночь не спал, – признался Халк без гордости. – Я три года учился в Университете дружбы народов в Москве.

Журналист развел пальцы одной руки:

– Я могу сбросить информацию, а решать будут политики. Как вы знаете, в таких вопросах нужно время.

По лицу видно, что Халку не терпится сообщить еще кое-что. – Можно, я расскажу вам еще одну историю, которая сидит у меня внутри, – он кулаком постучал себе в грудь, – для примера о высоком духе и... мужестве?

– Конечно.

Офицер подвинулся к журналисту еще ближе и выставил указательный палец – засветилось золотое кольцо на среднем пальце.

– Это случилось в майский жаркий день. Я был командиром отряда численностью сто человек. Перед нами поставили задачу: занять местность, где, по данным разведки, должна была пройти советская колонна. Мы, ничего не подозревая, шли вразвалку по знакомой тропе как подобает хозяевам... И вдруг пальнул пулемет. Шурави! Я удивился: как им удалось занять высоту и окопаться, обставив себя камнями? За день до этого мы здесь проходили как на прогулке. Я вычислил: это была небольшая группа десантников, которая заняла круговую оборону, чтобы перекрыть наше движение. Все стало понятно: они впервые опередили нас и для меня создали серьезную проблему. Мы залегли, прижавшись к земле. Я спрятался за скалой и видел, как на вершине в лучах солнца засверкали дули автоматов. Их было человек пять-шесть, не больше. Они нас продержали несколько часов, до тех пор, пока у них не кончились боеприпасы. В том бою я потерял человек двадцать. Надо было вам их видеть: они застыли, и наступила тишина. Когда кольцо вокруг них сжалось, я крикнул: «Все, шурави, ваша песня спета – готовьтесь к смерти». Наступил момент истины: они все встали в «афганках» светло-песочного цвета, в руках они держали гранаты. Я был в шоке: какое там сдаться, – генерал опустил голову. – В одно мгновение я изменился, появилось доверие, стена ненависти рухнула. Я хотел опустить оружие и пожать им руки: «Все, шурави, мы больше не воюем». И далее по тому маршруту мы сталкивались с такими малочисленными отрядами, и в итоге я добрался к назначенному месту без отряда – задание я не выполнил. Причиной всему был молодой офицер, лейтенант, который ориентировался в ситуации лучше всех. Я был готов найти его, растерзать и объявить вознаграждение за его голову. Война – это как шахматная игра. А русские хорошо играют и в шахматы, и в войну.

– Вы не договорили: что случилось с той первой горсткой десантников? – спросил Петр.

– Они подорвались и забрали с собой еще несколько моих воинов, – с грустью в голосе добавил Халк.

– А как звали того офицера, не помните?

– Помню, как его забыть, – он зашевелился и полез в карман. – Я о нем только и рассказываю моим сыновьям и внукам, – он достал из кармана удостоверение советского офицера с пятнами крови. – Вот его документы. Мои люди их подобрали на месте столкновения. Его звали Семен. Если он жив, передайте, пожалуйста, ему эти документы и скажите, что я его жду с новой миссией из России как брата. Правда, как брата. Я хочу, чтобы он помог нам в борьбе против тех, кто сегодня топчет нашу страну, и выполнил свой интернациональный долг до конца.

– То есть вы призываете его встать на тропу войны еще раз?

– Вы меня неправильно поняли, – сказал Халк. – Мы хотим мира и созидания без оружия. Мы хотим воевать против войны. Я хочу, чтобы он стоял рядом с нами, как символ шурави, и я уверен: это поможет объединить наши народы – пуштунов, таджиков, узбеков – и возродить прежний единый Афганистан. Я не знаю, почему, но хочется смотреть в глаза человека, которого не можешь забыть. Как я могу забыть – он сам пришел к нам в логово...

– Сдаться? – взгляд Петра стал напряженным.

– Нет, что вы! – возразил генерал. – Вы знаете, в Африке есть племя, мужчины которого, выйдя на охоту, следят за прайдом львов, когда они поймают жертву. Они изобрели оружие, чтобы отобрать мясо у львов.

– Какое?

– Внезапность, – афганец с четырехугольным подбородком впился глазами в журналиста, словно он нашел человека, которому можно открыть душу и сказать то, что его давно волновало, – внезапность. Они с шумом и резко нападают на львов и за какие-то секунды, пока львы не поймут, что случилось, отрезают лакомые куски мяса, кладут на плечи и спокойно уходят под растерянным взглядом облапошенных львов. Так вот, какое надо иметь мужество и хладнокровие, чтобы сделать такое с нами? Он...

Сзади скрипнула дверь, и черты лица Семена напряглись: карие глаза прищурились, высокий лоб наморщился. Он не хотел, чтобы его трогали в этот день, в это число месяца, который перевернул его жизнь с ног на голову.

– Семен Павлович, – раздался звонкий голос секретарши начальника, – вас просит шеф. Семен даже не шелохнулся.

– Хорошо, милая, – ответил он почтительным голосом.

Дверь закрылась. Он зло ударил пальцем по клавише и выключил фильм.

Оставшийся в прошлом

Лицо шефа было озабоченным, круглые щеки местами зарумянились – в последнее время его бизнес серьезно страдал. По мнению Семена, причиной мог быть его роман на стороне, где ему приходилось тратить больше душевных сил, чем на работе. Но работники по большей части к этому относились с равнодушием: «Проблемы вождя племя не интересовали». Только Семен мог себе позволить с шефом беседу о морали и нравственности, тот терпел.

– Проходите, Семен Павлович, – вежливым тоном произнес Игорь, молодой хозяин со слабо выраженными бровями и русыми волосами, зачесанными назад. Бизнес ему достался по наследству. – Как ваш зуб, болит еще?

– Ерунда, – выпалил Семен.

– Павлович, – начал шеф и запнулся, поглаживая экран телефона указательным пальцем. – Я хотел у вас спросить... Хм... Женщины – это что за народ?

– Можно уточнить вопрос?

Игорь подтянулся в кресле, упиравшись на поручни. В некоторые моменты он относился к Семену как к отцу.

– Жена меня уже не любит, но продолжает ревновать, а любовница любит, но делает вид, что ей все равно и вот уже два дня как пропала из виду...

Семена словно током пробило: он, ни о чем не думая, резко бросил взгляд на окно противоположного дома и увидел большой цветок, приросший к стеклу.

– Что-нибудь не так, Павлович? – спросил Игорь, заметив его обескураженное лицо.

– Да нет, – успокаиваясь, произнес Семен, возвращаясь на землю, по инерции продолжая думать о милашке с чашкой кофе, которая «развлекала» его несколько дней и исчезла два дня назад. – Все нормально. Я тебе в этом вопросе не советчик, Игорь Николаевич, – заговорил Семен монотонным голосом. – У меня проблемы из-за отсутствия женщин как таковых, а у тебя – от их избытка.

– Извините, Павлович, я что-то не подумал.

– Да, нет, браток, – Семен сел на стул, опустил голову и с минуту молчал, перебирая мысли. – Ты молод и относишься к золотой молодежи, и от вашего показного образа жизни общество не должно страдать.

– То есть?

– Я не судья, Игорь Николаевич. Ну, у тебя своя жизнь, у жены – своя, у детей – тоже. То есть у тебя семья есть, с одной стороны, а с другой – нету. То есть нет ячейки общества.

Игорь слушал внимательно, как будто он слышал такое в первый раз в жизни: отец с ним такую философию не обсуждал никогда.

– Ну ты даешь, Павлович, – посетовал Игорь, поглаживая челку. – Выходит, я – отброс общества.

– Я этого не говорил, – возразил Семен. – Вы уважаемый, богатый, умный человек. Отброс – это я: меня нету, я остался в прошлом. Я никогда ни к чему не стремился: ни к карьере, ни к деньгам – не на кого их тратить. От моего «я» остался лишь пепел: дунешь – и все улетит. Единственная цель – оставаться человеком. Никому не нужен и...

– А как же ваша авторитетная организация ветеранов с влиятельными руководителями, такими как Клинецевич, Разумов, Бочаров и кто там еще?

– Ну что вы! – остановил Игоря Семен. – Никто не может вернуть прошлое, друг мой. Поезд ушел. Честно сказать, не знаю, для чего живу, – он склонил голову, заглядывая глубоко в свою душу. – Я бываю счастлив только по ночам, когда мне снятся сны. Два дня назад мне приснился сон, что у меня есть дочь, которую я веду по необитаемому острову, причем она была одета в белое платье – запоминающийся цвет. Я смотрел сонник, хотя я не верю таким

вещам, и там такая чушь для наивных... Все бы ничего, если бы не проснулся от боли в зубе, – Семен смолк, затем поднял голову. – У меня есть больная мать, которая выхаживала меня много лет после ранений. Теперь я ухаживаю за ней, это дает мне цель и терпение. С надеждой шагаю в завтрашний день, думая, что там найду утешение – но оказывается, что вчерашний день был лучше, чем сегодняшний.

Игорь встал и возвел руки кверху:

– Все, все, Павлович. Я прошу извинить меня.

– Ты спросил, я ответил, – все тем же голосом произнес Семен. Он нервно ущипнул седые поросли усов.

Игорь отошел к окну и долго ничего не говорил.

– Да, Павлович, ты говоришь правду. Как считает твое поколение людей: жизнь дается один раз, и надо ее прожить так... – Игорь забыл продолжение.

– ...чтобы не было больно за бесцельно прожитые годы, – продолжил Павлович и встал, чтобы покинуть кабинет начальника.

Игорь опешил:

– Подожди, Павлович, – произнес Игорь, – я вас пригласил по другому случаю.

Семен оглянулся и остановился в выжидательной позе.

– Нужно съездить в командировку в Ростов – опять проблемы: пошли претензии к нашей продукции. Я могу надеяться только на вас. Ваше благородство и убедительный тон делают свое дело. Вы даже не подозреваете, какая в вас сила обаяния. Извините, что пользуюсь этим.

– Надо так надо, – произнес Семен соглашательским тоном.

Он развернулся и вышел, прикрывая за собой дверь, но дверь снова начала открываться. Семен сделал шаг назад и сказал:

– Я не ответил на твой вопрос, Игорь Николаевич. Должен сказать, что твоя жена производит впечатление. Женщины – это вежливый народ. Даже когда уходит от тебя, может сказать вслед что-нибудь запоминающееся, вроде: «Счастливо тебе, скотина!»

Игорь рассмеялся.

– Спасибо за анекдот, Павлович. Берегите себя и вылечите ваш зуб, пока он вас не достал.

– Но если вам интересно, есть еще американское мнение о русских женщинах.

– Какое? – с лица Игоря еще не сошла улыбка.

– В России есть два вида женщин: жены для дома и семьи и женщины для любви, которых, по словам американца: «...их называют красиво «леди» или, не помню точно, «ляди», что ли».

Игорь громко хохотнул.

– Я понял намек, Павлович: я сделаю выводы.

– А хочешь анекдот про выводы?

– Нет, нет спасибо. На сегодня одного вывода хватит.

– До свидания! – с оттенком безразличия произнес Семен, закрывая дверь: – Завтра же уеду или послезавтра.

Первое знакомство

Семен вернулся к себе в кабинет и тяжело опустился в кресло. Голова, набитая мыслями, требовала вдоха никотина. Он курил одну или две сигареты в день. По таким случаям у него была про запас пачка сигарет, откуда он отточенными движениями двух пальцев выхватывал одну сигарету, вставлял в зубы и спичками прикуривал, причем эта процедура проходила под пристальным вниманием мозга, который начинал расслабляться, даже еще не вдохнув табачного дыма в легкие.

Он приоткрыл окно и выдохнул первый клуб дыма, равнодушно глядя на большое окно противоположного здания, где размылся образ чужой женщины-призрака, и он вновь зажил своим прошлым.

Семен сидел в зале ожидания Киевского железнодорожного вокзала в форме курсанта военного училища. Он читал газету «Комсомольская правда», где был размещен репортаж с БАМа – стройки века, когда мимо его скамейки прошла молодая девушка, цокая каблучками и села на краешек скамейки рядом с ним. Он повернулся и увидел молодую блондинку в ветровке и потертых на коленках джинсовых брюках. Красивая, как модель. Семен свернул газету и поднял взгляд на табло – оставалось еще двадцать минут до отправки поезда Киев – Москва. Ему стало, интересно, на какой поезд она собирается сесть. Прошла минута. Семена так и подмывало, поболтать с ней и познакомиться. Молчание томило его. Он посмотрел по сторонам, перевел дух и повернулся к ней.

– Извините, я могу назвать ваше имя! – спросил Семен голосом, в котором доминировали саркастические нотки.

Девушка повернулась к нему – серо-дымчатые глаза заулыбались, и она расслабилась.

– Что вы говорите!

– Я на полном серьезе. Я даже могу сказать, где вы учитесь.

Девушка хмыкнула и, смутившись, отвела взгляд.

– Вы учитесь в пединституте и профессионально занимаетесь спортом.

– Я испугалась, что вы экстрасенс, – съязвила незнакомка, – а вы, оказывается, простой курсант военного училища. Неправильно ни то, ни другое – я учусь в мединституте, а занимаюсь балетом.

– Выходит, одно я отгадал – на счет спорта.

– Нет. Спорт – это спорт, а балет это – искусство.

– Очень убедительно, – сказал Семен с удовлетворением от того, что сумел преодолеть психологический барьер, чтобы поболтать с незнакомой девушкой. – Должен сказать, что тренер у вас по балету – классный учитель.

– Почему? – она прищурила глаза и склонила голову набок, ее естественного цвета светлые волосы веером обрамляли овальное лицо. У нее нет необходимости красить их, чтобы выглядеть лучше – полная гармония.

– Да потому что у вас движения, как у Майи Плисецкой.

– Неужели?! – ей это понравилось, и она стала ярче улыбаться. – Вы любите балет?

– Да, конечно. Кто не любит парящихся в воздухе женщин, которые могут передавать чувства изгибами тела?

Незнакомка громко рассмеялась.

– Без музыки тело молчит, – вставила девушка, посерьезнев.

– Это не касается тех, кто разбирается в музыке.

– Хотите сказать, что вы еще музыкант? – спросила она, поглаживая прическу слабым касанием руки. Голову она наклонила набок, и их взгляды встретились на новой волне взаимного расположения.

– Я неплохо играю на гитаре, – Семен перевел решительный взгляд на далеко сидящего от них худощавого парня, у которого на вещмешке перед ним лежала гитара. – Могу доказать.

– Нет, нет, не надо. Я верю, – быстро среагировала девушка, чтобы не попасть в неудобную ситуацию.

«Переборщил, – подумал Семен. – Не надо было повышать тон и демонстрировать мальчишескую решительность».

– Извините, я пошутил, – произнес Семен, выравнивая волну диалога. Чуть не то – и разговор может оборваться в любую секунду, и прощай, любовь, которая еще не зажглась.

– Да нет, ничего, – произнесла она, – неплохое сочетание: танкист-гитарист.

– Что поделать, иногда мы выбираем вещи, которые не сочетаются, и в этом виновата судьба. Вы не изучали «Судьбу человека» Шолохова?

– В школе, – сказала девушка. – Я любила Есенина, да и сейчас тоже, – ответила она романтическим голосом.

«Глаза большие и выразительные – признак глубокой эмоциональности, – подумал Семен. – Как нас учили на военной психологии: такие люди, влюбившись один раз, сохраняют преданность до конца жизни».

– Хотите я зачитаю?

– Конечно, хочу, – ответил Семен, все больше обретая уверенность в том, что сможет покорить ее. Он хотел владеть ее мыслями, задеть струнку ее души, чтобы она смогла бы почувствовать истинное наслаждение от общения с незнакомым человеком. – Я слушаю вас.

И вдруг Семен стал свидетелем мягкого, нежного всепоглощающего голоса, растворяющегося в вокзальной суете:

*Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь —
Чем я живу
И чем я в мире занят.*

– Неплохо, – с восторгом произнес Семен. – Такое звучание! Знал бы Есенин, кто восхищается им! – пауза, – Значит, вы едете на каникулы домой к своей старушке?

– Точно. Я из Макеевки, – подтвердила она. – Это не все, – она, увлеченная стихотворением, продолжила вполголоса:

*Но время будет, Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки, Этот – у пера.*

Семена тронули последние слова. Он жадно смотрел в ее глаза – бездонные озерки, где ему вдруг захотелось утонуть. Улыбка озарила его лицо и он усмехнулся.

– Здорово. Это как будто про... – он запнулся и опомнился: чуть не сказал: «про нас». – Я тоже его люблю, но больше – Маяковского. Можно, я тоже зачитаю?

– Попробуйте! – подбодрила девушка.

Семен с секунду включал свою память, затем приглушенным голосом зачитал:

*Мир
опять
цветами оброс, у мира
весенний вид.
И вновь встает
нерешенный вопрос —
о женщинах
и о любви.*

Девушка заплодировала:

- Просто великолепно! Я не думала, что он писал про любовь.
- Я уверен, что вы его знаете только по стихотворению про паспорт:

*Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте, завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.*

– Это правда. Мы это изучали в школе, – согласно кивнула незнакомка.

– Я сейчас только что читал статью про БАМ – гордость пробирает, – Семен глянул на девушку, мысленно копаясь в понятии: «любовь с первого взгляда». – Я бы хотел туда, в тайгу, за туманом и забрать вас с собой. Вы не возражаете?

– Смелое решение, – произнесла девушка и стала стирать с лица вежливость, граничащую с наивностью. Она испугалась, что чрезмерная открытость вызовет плохую оценку о характере. Она стерла с лица улыбку. Семен поторопился, пока теплилась надежда, и, набравшись смелости, потянул ей руку:

– Меня зовут Семен. Курсант танкового училища.

Она засмеялась вновь и замешкалась, глядя на протянутую руку незнакомца – жилистое запястье с длинными пальцами.

– Я же правильно отгадала, что вы танкист, – она отпустила сумку и протянула руку Семену. – Меня зовут Светлана Резниченко.

Семен прикоснулся к ее теплой, нежной руке, и это залегло в его память на всю оставшуюся жизнь: белозубая улыбка и притягивающие глаза с длинными ресницами.

– А почему вы подчеркнули свою фамилию? – спросил очарованный Семен.

– Чтобы подчеркнуть, что я... Что я – хохлушка, – Света засмеялась.

Через пятнадцать минут они встали и вместе зашагали на посадку в один и тот же поезд, держа между собой приличную дистанцию. Со стороны могло показаться, что они связаны друг с другом много лет.

Брежнев: последняя капля

Кортеж Брежнева выехал из Завидово по обычному маршруту в направлении Кремля. Он, занятый своими мыслями, на заднем откидном сиденье прислушивался к рокоту скользящих шин тяжелого «ЗИЛа», напоминающему треск тысяч лопающих мелких пузырьков. Сегодня он проснулся раньше, чем донесся шум шторок, которые раздвигал Медведев – его охранник – с особым усердием, чтобы разбудить его.

Впереди – охрана, следящая за дорогой: гололедом, упавшими деревьями, другими дорожными сюрпризами, сзади – машины с выездной охраной.

Продолжая думать о работе, Брежнев подсознательно осматривался по сторонам, где мелькали деревья, обдуваемые зимней изморозью; он всматривался в лица зыркающих в их сторону людей с размытыми в дымке чертами и думал, что и он один из них, частичка советского народа. Столько ответственности за каждого из них: сыты ли, одеты ли, есть ли тепло в их домах? Он должен гарантировать им мирное небо: разрядка с одной стороны и программа «Энергия-Буран» с другой.

За многие годы работы он научился интуитивно чувствовать время и политическую ситуацию. Сейчас с самого утра его голова была забита думами о стройке века – БАМе, но ничто не волновало так глубоко, как Афганистан. Беспорочная помощь на протяжении трех лет тихо шаг за шагом оборачивалась настоящей бедой. Он дышал тяжело – пилюли, которыми его пичкал Чазов, не помогали, зато тихо толкали в могилу. А челюсть? Он несколько раз хотел избавиться от этого врача, зная, что он все больше становился орудием в руках Андропова, но не хватало решительности: слишком много он знал о работе Политбюро и принимал активное участие в интригах в борьбе за власть. Чего стоит его кляузы на Подгорного!

Въезжая на Красную площадь, он каждый раз старался поймать величественный марш часовых поста номер один на Мавзолее Ленина – символа современности.

Каждый раз, въезжая в Боровицкие ворота, он вспоминал тот трагический случай, когда террорист высадил обоймы двух пистолетов Макарова в машину, где сидели космонавты. Целью убийцы был генсек. Брежнев был убежден, что злоумышленник не мог в одиночку облапошить охрану и в упор расстрелять бронированную машину. Результат следствия – ноль. И это при всевидящем КГБ. «Одному богу известно, что меня толкнуло въехать в другие ворота, – думал Брежнев. – Шестое чувство?»

Между тем машина подъехала ко второму подъезду первого корпуса Кремля.

В десять утра он проходил по коридору мимо кабинетов работников Международного отдела ЦК, в середине коридора одна дверь была приоткрыта, и оттуда доносились разговоры на высоких тонах. Брежнев толкнул дверь и просунул голову:

– Здравствуйте, что случилось?

Все пятеро поздоровались и замолкли, как будто воды в рот набрали. Он зашагал дальше и, пошатываясь, втиснулся в двухстворчатые двери своего кабинета, где царил обычное убранство и пахло свежестью. Он сделал движение рукой, что означало «открыть окно» – ему в закрытом помещении не хватало воздуха. Еще за несколько шагов Брежнев заметил на глянцево-стале папку «КГБ». Он погрузился в кресло, придвинул папку, раскрыл ее, зачитал и онемел.

Он развернулся, чувствуя тяжесть всего тела, и нажал на белую квадратную кнопку председателя КГБ – щелчок.

– Зайди ко мне! – ни «привет», ни «до свидания» – резко, проигнорировав элементарную вежливость, выпалил генсек.

Высокая, статная фигура Юрия Владимировича, сделав несколько шагов внутрь, остановилась. Черное обрамление верха очков шло параллельно под черной линией бровей. Он

редко видел такую ярость на лице генсека и вздрогнул: иногда он мог предпринять личные меры, не соответствующие расчетам.

– Что это, Юра? – Брежнев оттолкнул от себя документ. – Объясни!

Андропов молчал, продолжая думать и подбирая слова, чтобы найти случившемуся правдоподобное объяснение.

– Леонид Ильич, – начал он – в отличие от других членов Политбюро, он никогда не переходил на «ты». В отличие от других, он был скрытен. Его всевидящие глаза и всеслышащие уши наводили страх на людей: его боялся Громыко, он умело манипулировал Устиновым. – Леонид Ильич, вчера Амин задушил Тараки подушкой.

– Нет, ты мне скажи, почему это случилось? Ты куда смотрел?

– Ну, я... – Андропов осекся.

– Тараки сидел вот здесь, – не дал Андропову договорить Брежнев и, повысив голос, продолжил: – и я, генеральный секретарь, обещал ему личную безопасность. А ты сидел и кивал головой. Что случилось? Кто теперь, зная, что Брежнев не сдержал свое слово, будет считаться со мной? – он потянулся к стакану воды и обратил внимание на белую таблетку, которую рекомендовал ему Чазов в моменты надвигающегося стресса.

– Амин оказался агентом ЦРУ, – виновато проговорил Андропов. – Мы сомневались какое-то время, но теперь это уже точно. Нужно его убрать и ввести войска.

Брежнев выпил таблетку и с треском вернул пустой стакан на стол.

– Юра, ты с ума сошел? Какие войска? Ты хочешь окончательно подорвать разрядку? Ты хочешь настроить все мировое сообщество против СССР? А арабский мир? И что твои войска будут делать там – воевать против афганского народа, который, напротив, нуждается в помощи? Я давно от тебя не слышу ничего хорошего, и у меня накапливается к тебе много вопросов, Юра. Это была последняя капля, ты не оставляешь мне выбора.

Андропов машинально глаза перевел на чемоданчик, который все время держал при себе Брежнев, – это единственная вещь в огромной стране, куда ему был закрыт доступ. Брежнев признавался своему помощнику о том, что сожалеет, что вывел КГБ из подчинения Совета министров. «Это было плохим сигналом того, что он доверяет мне все меньше и меньше», – думал Андропов. Он все больше удивлялся, как генсек, несмотря на болезнь, сохранял здравомыслие и логическое мышление и как он, выходец из простой рабочей семьи, стал человеком, который вершил судьбы стран и народов.

Заседание Политбюо

В длинном зале заседаний Политбюро – полная тишина. У всех нервы на пределе, потому что каждый понимает и отдает себе отчет в том, что будет решаться вопрос мира и войны с далеко идущими последствиями. Председательствующий Брежнев больше молчит и успокаивает нервы тем, что вертит очки в руках. В другом случае он бы уже выдал какой-нибудь анекдот или рассказ, чтобы стереть с лиц коллег старческую отрешенность.

– Все пришли? – спросил Брежнев, глядя на Черненко, которого избрали секретарем заседания.

– Нет Косыгина, – ответил Черненко.

Брежнев задумался. Он знал, что Косыгин категорически против этой затеи. Как он сказал Тараки? **«Хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос о вводе войск рассматривался нами со всех сторон, мы тщательно изучали все аспекты этой акции и пришли к выводу о том, что если ввести наши войска, то обстановка в вашей стране не только не улучшится, а наоборот, осложнится»**. Это мнение человека, без которого не могло быть такого ускорения в экономике. Сегодня Союз занимает первое место в Европе по объемам промышленности. Если сравнивать темпы роста с США, то цифры поражают: за десяток лет опережение составляет почти сорок процентов, а в социальном плане доходы людей выросли в полтора раза, двенадцать миллионов человек получили бесплатное жилье с квартплатой не более трех процентов от семейного бюджета. Успехи в медицине, науке и образовании беспрецедентны. А если продолжить в таком же темпе, то лидерство страны в мире через три–четыре года гарантировано.

– Косыгин заболел и отпросился, – заявил Брежнев, – слово предоставляю Андропову.

– Я тоже вначале был против отправки войск, – начал председатель КГБ Андропов, – но мы не можем игнорировать опасности, которые нас могут ожидать, если не предпримем решительные меры. По данным агентуры, США вынашивает планы по размещению в Афганистане ракет типа «Першинг», что, без сомнения, поставит под угрозу многие жизненно важные объекты в Средней Азии, включая космодром Байконур – там у нас нет надежного ПВО, – он бросил взгляд на Устинова, тот одобрительно кивнул. – По данным нашего резидента в Анкаре Запад предпринимает усилия по созданию новой Османской империи с включением туда наших республик Средней Азии...

– Есть заключение наших ведомств по оценке ситуации в Афганистане? – спросил Брежнев.

– Есть, Леонид Ильич.

– А почему здесь только одна подпись представителя КГБ? Почему нет подписи представителей МВД и МИДа, как мы договаривались?

– Потому что, Леонид Ильич, представитель МВД генерал Папутин не вник в суть дела и отказался подписать...

Генсек удивился.

– Замешан в неблагоприятных делах и пьянстве, – продолжил Андропов.

Многие переглянулись – их по-настоящему беспокоили интриги и череда смертей в высших эшелонах власти.

Устинов:

– Введем туда танковые подразделения – и афганская оппозиция сразу сложит оружие...

«Эх, Дмитрий Федорович, ты – трудоголик, хозяйственник, подумал генсек, – наводнил всю Европу танками, и американцы до сих пор не могут оправиться от шока. Да, твое дело – танки, ракеты, а политика и военное дело – не твое. Прислушивался бы ты к словам своего начальника Генштаба Огаркова, Ахромеева...»

Сулов:

– ...раз мы подписали договор о дружбе и сотрудничестве, мы вправе удовлетворить просьбу руководства Афганистана о вводе войск. Я думаю, мы достигнем там мира и стабильности. Таким образом мы сделаем идеалы социализма близкими и понятными для просвещения афганского народа. Конечно, в таких вопросах нужно опираться на классиков...

– Конечно, Михаил Андреевич, – иронизируя, вставил Брежнев, – вам же хорошо известно, что писал Энгельс: «Афганцы – это храбрый, энергичный и свободолюбивый народ. Война для них является развлечением и отдыхом», – Брежнев сделал эффектную паузу, продемонстрировав коллегам знание классиков. – А Ленин, хорошо знавший Энгельса, ровно шестьдесят лет назад, чтобы просветить афганский народ, послал туда не многотысячную армию, а одного хорошо известного матроса по имени Федор Раскольников. Он вместе со путницей жизни Ларисой Райснер, которая являла собой прекрасное олицетворение эмансипации, как посланники Советской России явились главными аргументами в борьбе за права женщин и права человека в Афганистане.

Сулов, высунув голову с растрепанными на лбу седыми волосами, с большим интересом продолжал слушать Брежнева.

– Не смотри на меня так, Михаил Андреевич, и не думай, что я такой начитанный.

На лицах членов Политбюро появились улыбки.

– Это мне мой помощник Андрей Агентов вчера рассказал. Мнение, конечно, заслуживает внимания. А Ганди применительно к войне и миру сказал: «Нет пути к миру, путь и есть мир». Теперь думайте, какой путь мы выбираем.

Начальник штаба маршал Огарков, талантливый военачальник, который придумал оригинальную систему управления войсками от рядового до генерала, два часа просидевший в приемной генсека в волнующем ожидании приглашения, встал, когда члены Политбюро стали выходить из зала. Он стал всматриваться в их лица, чтобы определить итог заседания, который сильно его беспокоил. Вот и сам довольный Устинов с плечом к плечу с Андроповым. «Все пошло к чертям», – успел подумать Огарков, прежде чем Устинов произнес:

– Все, Николай Васильевич, решение принято, поехали в Генштаб отдавать команды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.